

DOI: 10.58168/BEING2024_120-125

УДК 314+398.3

**ДУХОВНЫЕ ЦЕННОСТИ КАК ВАЖНЕЙШИЙ АСПЕКТ ФОРМИРОВАНИЯ
РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ**
SPIRITUAL VALUES AS THE MOST IMPORTANT ASPECT OF THE FORMATION
OF REGIONAL IDENTITY

Титова О.Ю., кандидат исторических наук, преподаватель
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный лесотехнический университет им. Г.Ф. Морозова», Воронеж, Россия

Titova O.Yu., Candidate of Historical Sciences, teacher
Voronezh State University of Forestry and Technologies named after G.F. Morozov, Voronezh, Russia

Аннотация: в статье на примере Южнорусского историко-культурного региона предпринята попытка выявить роль важнейших духовных ценностей: языка, традиционной обрядности, мифологических представлений в формировании региональной идентичности личности.

Abstract: In the article, using the example of the South Russian historical and cultural region, an attempt is made to identify the role of the most important spiritual values: language, traditional rituals, mythological ideas in the formation of a person's regional identity.

Ключевые слова: духовные ценности, региональная идентичность, Южнорусский регион.

Keywords: spiritual values, regional identity, South Russian region.

Понятие «идентичность» включает в себя широчайший спектр различных элементов деятельности человека и общества. При этом индивиду свойственна принадлежность множеству идентичностей одновременно. Среди этого множества особую значимость представляет региональная идентичность, поскольку именно она выступает в качестве основы формирования норм поведения и системы ценностей населения, проживающего в регионе [3, с. 38]. Что же включает в себя понятие «региональная идентичность»? По мнению ряда современных исследователей, к его содержанию можно отнести местную интерпретацию истории страны, локальные традиции региона, предания, фольклор, мифы, язык [Там же, 5].

Данная работа посвящена региональной идентичности русских Южнорусской историко-культурной зоны. Специфика освоения этой территории, географические условия, обилие происходящих здесь этнических контактов легли в основу этнокультурной консолидации южнорусского населения и способствовали выработке в его культуре и традициях, помимо общерусских черт, специфических особенностей, подчеркивающих принадлежность их носителей именно к данному историко-культурному ареалу. Некоторые из этих особенностей, сохранившись до наших дней, демонстрируют поразительную устойчивость и неизменность

даже в условиях стремительно меняющихся современных реалий и, тем самым, являются связующим звеном современной личности с его историей и культурой.

В первую очередь, речь идет важнейших духовных ценностях – **обрядов, мифологических представлениях, диалектных особенностях**. Рассмотрим наиболее яркие из них.

Отчетливое своеобразие прослеживается в ряде элементов южнорусской календарной **обрядовой традиции**. Так, отличительной чертой южнорусской масленичной обрядности, относящейся исследователями к «среднерусско-поволжскому» типу, является преобладание аграрной тематики, где ядро праздника составляет обычай «проводов масленицы». Варианты обряда разнообразны. Зачастую апофеоз Прощеного воскресенья – сожжение Масленицы. Однако только преимущественно в Южнорусской зоне был распространен обряд похорон Масленицы: шуточная похоронная процессия всегда сопровождалась шумом и весельем [6, с. 47]. В настоящее время в регионе сохраняется масленичная обрядовая традиция. Более того, в последние годы наблюдается ее популяризация и охотное участие людей в проведении данных обрядовых мероприятий. И если в городах празднование чаще идет по «общерусскому» сценарию, в сельской местности спорадически отмечается исконная южнорусская традиция похорон Масленицы [1, ДД. 2012, 2020].

Исключительно в Южнорусской зоне был известен особый обычай кумления в Троицкой обрядности, дополнявшиеся обрядом похорон и крещения кукушки. Для исполнения последнего специально изготавливали куклу кукушки, которую, по завершении троицких празднеств, хоронили [8, с. 200]. Традиция изготовления на Троицу кукушки сохранилась в некоторых селах региона вплоть до начала XXI века: в 2004 году информация об этом была записана фольклорно-этнографической экспедицией ВГАИ в селе Полубяновка Каширского района [7, с. 42].

Своеобразием южнорусской обрядовой традиции являлось и бытование в исследуемом регионе обычая зажигания костров в навечерье Рождества, Нового года и Крещения. В Воронежской губернии их зажигали вечером на Новый год и под Крещение, и это называлось «греть родителей». В некоторых районах Тамбовской области данный обряд сохранялся еще в 1960-е гг., его называли «греть Христа» [12, с. 65; 11, с. 621]. Современные полевые исследования фиксируют данные о том, что некоторые информанты помнят о существовании в далеком прошлом таких традиций, но сам обряд уже не проводят [1].

Важнейшей духовной ценностью являются **мифологические представления**, которые не только отражают историю и судьбу народа, но и составляют мировоззренческую основу его культуры [9]. Многочисленные исследования южнорусской мифологии XIX – начала XX в. наглядно демонстрируют ее выразительные региональные особенности. Авторы работ второй половины XX – начала XXI в., посвященных данной тематике, фиксируют бытование большинства из этих особенностей и в современных представлениях населения изучаемой историко-культурной области.

Наиболее отчетливо специфика южнорусской мифологии проявляется в наборе мифологических персонажей и их характеристиках. Так, обращает на себя внимание бытование исключительно или преимущественно в южнорусских быличках ряда особых мифологических персонажей, таких как полевой, коловерши, святочница. И если о последних

в современных нарративах региона не упоминается, то о полевом – персонаже, выступающем в качестве охранителя полей, в исследуемом ареале фиксируется достаточно много рассказов и в наше время [1, 9].

Для изучаемой нами зоны характерно и отсутствие (за редким исключением) женских параллелей мужским образам и представлений о превращении духов заведомо мужского пола в существ женского пола. Тогда как для севернорусской мифологии, напротив, характерны представления о парном характере большинства мифологических персонажей, наличие женских параллелей мужским образам (домовой – домовиха и т.д.) [9].

Наблюдается также специфика представлений, связанных с пространственной локализацией мифологических персонажей: для Южнорусской зоны более типично их обитание «над землей», тогда как для севернорусской традиции – «под землей». Так, в южнорусских нарративах основная локализация домового – чердак (потолок), местом же обитания севернорусского домового чаще всего является подполье [4, с. 120-121, 143].

Современные полевые исследования фиксируют достаточно высокую сохранность мифологических мотивов в нарративах современного населения изучаемого региона. При этом речь идет не только об общерусских представлениях, но и сохранении той специфики, которая на протяжении веков была присуща исключительно южнорусским быличкам. Так, в рассказе одной из жительниц Таловского района Воронежской области, переехавшей на изучаемую территорию в юности, говорится, что «на Севере полевых нет, он только здесь водится», то есть наблюдается четкая географическая привязанность персонажа к конкретному региону. То же касается представлений о домовом: все свои шалости, описанные в местных нарративах, персонаж совершает исключительно «с потолка» [1, Д. 2012].

Средством выражения мысли, передачи информации является **язык**. Особенности культуры, истории, традиций из поколения в поколение передаются именно им. Создавая условия для познания истоков своего народа, язык образует его этническую самобытность [13]. При этом, язык содержит как общие компоненты культуры народа, так и своеобразные элементы, присущие определенным культурным общностям, жителям некой территории, региона.

Не является исключением и рассматриваемый нами Южнорусский регион, входящий в зону распространения выделенного диалектологами южнорусского наречия по ряду общих черт. На фонетическом уровне таковыми являются: так называемые аканье, яканье, иканье, глухое г, не смешение ц и ч. Основными грамматическими особенностями южнорусского наречия выступают: образование формы родительного и винительного падежа личных местоимений 1-го и 2-го лица, а так же возвратного местоимения с окончанием – е; в третьем лице единственного и множественного числа глаголов флексия оканчивается смягченным т (если только этот звук вообще сохраняется во флексии); инфинитивы на согласный типа несть, плесть, идить в соответствии с нести, плести, идти. Лексические явления: ток 'площадка для молотбы', цеп 'орудие для обмолота', корец 'сосуд, которым черпают воду', рыга 'сенной сарай', люлька 'колыбель, подвешиваемая к потолку', зипун 'мужская верхняя одежда кафтанного покроя', курогод 'хоровод', брешет 'лает' (о собаке), гребовать 'брезговать' и т.д. [10, с. 149-150].

Многие диалектизмы отчетливо заметны в процессе общения с их носителями и сегодня. Наиболее очевидно данные особенности проявляются в говоре сельского населения исследуемого ареала, но и в речи городских жителей тоже нередко встречаются [1]. При этом, даже попадая в новую среду проживания (например, при переезде в другой регион), люди зачастую на протяжении всей жизни сохраняют в памяти и используют в речи специфические черты, распространенные на территории его первоначального места жительства. Таким образом, особенности говора, являясь своеобразным маркером принадлежности человека к определенной местности, выступают, на наш взгляд, ярчайшим проявлением региональной идентичности личности.

Опираясь на современные полевые материалы, в том числе, собственные, отметим, что в настоящее время определенное своеобразие важнейших духовных ценностей, таких как **обряды, мифологические представления, диалектные особенности** в изучаемом регионе во многом сохранено. В отличие от традиционных элементов материальной культуры – южнорусского жилища или народного костюма, представления о которых существуют на сегодняшний день лишь в памяти людей, диалектизмы, мифы, ряд компонентов обрядовой традиции не только «живут» в народе сегодня, но и воспринимаются как «местные», «наши», «здешние». Такая устойчивость и привязанность к определенной территории демонстрирует всю силу и значимость традиционных духовных ценностей в жизни людей, потребность человека в осознании причастности к той или иной культуре, и тем самым, к пониманию своей социокультурной идентичности, в сложной конструкции которой региональная идентичность занимает важнейшее место. Осознание такой идентичности прививает человеку чувство принадлежности к определенной общности и территории, ощущение «дома», ясность в поиске «себя», и очень важно не утратить это в условиях непрерывного нарастания процессов глобализации в современном мире. Именно поэтому необходимо сохранять существующие и, по возможности, восстанавливать утраченные исконные элементы духовной культуры, которые не только участвуют в формировании региональной идентичности, но и составляют, на наш взгляд, ее фундаментальную основу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архив учебной-научной лаборатории "Этнография Центрально-Черноземных областей России" ВГУ. Титова О.Ю. 2003, 2007, 2008, 2012, 2020. Воронежская область.
2. Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т.п.: в 2 т. / собр. П. В. Шейном. – СПб.: Имп. акад. наук, 1898-1900. – 2 т.
3. Дзякович Е.В. Локальные идентичности в контексте социокультурной динамики российских регионов: автореф. дис. ... докт. культурологии. – М.: МГИКИ, 2011 – 46 с.
4. Дынин В. И. Народные верования русских Европейской части России XIX-XX веков: сравнительно-географическое исследование. – Воронеж: Истоки, 2004. – 228 с.
5. Махинин А.Н., Коваленко М.С. Региональная идентичность как вид социокультурной идентичности: проблемы описания и диагностики // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2021. №3 (59). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/regionalnaya-identichnost-kak-vid-sotsiokulturnoy-identichnosti-problemy-opisaniya-i-dagnostiki> (Дата обращения: 18.04.2024).

6. Носова Г.А. Картографирование русской масленичной обрядности: на материалах XIX – начала XX века // Советская этнография. – 1969. – № 5. – С. 46–51.
7. Пухова Т.Ф., Сидякина Е.Н. Об этнографическом своеобразии сел Каширского района Воронежской области // Этнография Центрального Черноземья России: сборник научных трудов. – Воронеж: Истоки, 2004. – Вып. 4. – С. 40–46.
8. Соколова В.К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов XIX – начало XX в. – М.: Наука, 1979. – 287 с.
9. Титова О.Ю. Ареальное исследование мифологических представлений русских Центрального Черноземья (конец 19 – начало 21 века): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М.: ИЭА РАН, 2015. – 28 с.
10. Титова О.Ю. К вопросу об этнокультурных особенностях южнорусского населения // Духовно-нравственное образование и патриотическое воспитание: традиции и перспективы: Сборник научных трудов по материалам Всероссийской научно-практической конференции. – Воронеж, ВГЛУ, 2023. – С. 149-154.
11. Тульцева Л.А. Календарные праздники и обряды // Русские. – М., 1999. – С. 616 – 647.
12. Чичеров В.И. Зимний период русского земледельческого календаря XVI–XIX веков: очерки по истории народных верований // Труды Ин-та этнографии АН СССР. – М., 1957. – Т. 40. – 237 с.
13. Шаалы А.С. Историческая память как отражение этнического самосознания // Вестник Тувинского государственного университета. – Социальные и гуманитарные науки. – 2010. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskaya-pamyat-kak-otrazhenie-etnicheskogo-samosoznaniya> (дата обращения: 13.04.2024).
14. Юхимец М.В. Влияние процесса мифологизации на трансформацию культурной идентичности в условиях глобализации // Казанский вестник молодых ученых. – 2021. – Т. 5. – № 2. – С. 175-181

REFERENCES

1. Archive of the educational and scientific laboratory "Ethnography of the Central Chernozem regions of Russia". VSU. Titova O.Yu. 2003, 2007, 2008, 2012, 2020. Voronezh region.
2. Velikorus in his songs, rituals, customs, beliefs, fairy tales, legends, etc.: in 2 volumes / collected by P. V. Shane. – St. Petersburg: Imp. akad. nauk, 1898-1900. – 2 vols.
3. Dzyakovich E. V. Local identities in the context of socio-cultural dynamics of Russian regions: abstract ... doc. cultural studies. Moscow: MGIIKI, 2011 – 46 p.
4. Dynin V. I. Folk beliefs of Russians of the European part of Russia of the XIX–XX centuries : a comparative geographical study. – Voronezh: Istoki, 2004. – 228 p.
5. Makhinin A. N., Kovalenko M. S. Regional identity as a type of socio-cultural identity: problems of description and diagnosis // Scientific notes. Electronic scientific journal of Kursk State University. 2021. No.3 (59). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/regionalnaya-identichnost-kak-vid-sotsiokulturnoy-identichnosti-problemy-opisaniya-i-diagnostiki> (date of application: 04/18/2024).

6. Nosova G. A. Mapping of the Russian Maslenitsa rite: based on the materials of the XIX – early XX century // *Soviet ethnography*. – 1969. – No. 5. – pp. 46-51.
7. Pukhova T. F., Sidyakina E. N. On the ethnographic originality of the villages of the Kashirsky district of the Voronezh region // *Ethnography of the Central Chernozem Region of Russia: a collection of scientific papers*. Voronezh: Istoki, 2004. Issue 4. pp. 40-46.
8. Sokolova V. K. Spring-summer calendar rituals of Russians, Ukrainians and Belarusians of the XIX – early XX century. – M.: Nauka, 1979. – 287 p.
9. Titova O.Y. Areal research of mythological representations of Russians of the Central Chernozem region (late 19th – early 21st century) abstract of the thesis ... Candidate of Historical Sciences. M.: IEA RAS, 2015. 28 p.
10. Titova O. Yu. On the issue of ethnocultural features of the South Russian population // *Spiritual and moral education and patriotic education: traditions and prospects: Collection of scientific papers based on the materials of the All-Russian Scientific and Practical conference – Voronezh, VSFEU, 2023*. – pp. 149-154.
11. Tultseva L. A. Calendar holidays and rituals // *Russian*. – M., 1999. – pp. 616-647.
12. Chicherov V. I. Winter period of the Russian agricultural calendar of the XVI–XIX centuries: essays on the history of folk beliefs // *Proceedings of the Institute of Ethnography of the USSR Academy of Sciences*. – M., 1957. – T. 40. – 237 p.
13. Shaaly A. S. Historical memory as a reflection of ethnic identity // *Bulletin of the Tuvan State University. Social sciences and humanities*. 2010. No.1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskaya-pamyat-kak-otrazhenie-etnicheskogo-samosoznaniya> (date of application: 04/13/2024).
14. Yukhimets M.V. The influence of the process of mythologization on the transformation of cultural identity in the context of globalization // *Kazan Bulletin of young scientists*. – 2021. – vol. 5. – No. 2. – pp. 175-181.